

Святая
ГОРСКАЯ

ЧУЖАЯ НЕВЕСТА

*Медведь,
не рычи!*

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Саяна Горская

Чужая невеста.

Медведь, не рычи!

<https://litres.ru/74211752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пытаюсь заглянуть в зеркало, чтобы поймать взгляд водителя и тут же напрягаюсь, потому что это не Максим!

Плечи мужчины гораздо шире. Белая рубашка натянута на крепких мышцах, ладони крупные и широкие. Кожа загорелая, почти бронзовая, а волосы коротко сбриты под «ёжик». Фактурная челюсть покрыта густой щетиной.

Он похож на огромного медведя.

И только теперь до меня доходит

- Прошу прощения, я, кажется, не в ту машину прыгнула.

- В ту.

- А, поняла, у Макса что-то случилось, и вы его подменяете?

Тишина.

А я вытягиваюсь по струнке, когда двери блокируются с глухим щелчком.

- Спасибо, что спасли, но думаю, дальше я как-нибудь сама

- Благодарности свои оставь при себе, потому что я не спасаю.

Я тебя похищаю.

Меня похитили с собственной свадьбы.

Вместо медового месяца - неделя в доме в лесу с мрачным похитителем.

Но я четыре свадьбы сорвала, уж одного дикого Медведя как-нибудь переживу.

Главное - случайно его не приручить.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	60
Г	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Саяна Горская

Чужая невеста.

Медведь, не рычи!

Глава 1

Алиса.

Изо всех сил мчусь вперёд по ковровой дорожке, устланной нежными лепестками роз. Путаясь в подоле свадебного платья, не обращая внимания на две сотни гостей, застывших с изумлённо открытыми ртами, бегу к своей цели.

— Алиса! — Голос отца громыхает раскатом грома за моей спиной. — А ну стой, несносная девчонка!

Как же, папочка!

Думал, я покорно лапки сложу и приму судьбу?

Это четвёртая свадьба, которую я расстраиваю. Стоило бы уже понять, что дочь не горит желанием связывать себя узами брака с мужчинами, на полвека старше себя.

— Алиса!

— За ужином поговорим! — Не сбавляя скорости, оборачиваюсь через плечо, чтобы наградить царя-батюшку обаятельной улыбкой.

А он, красный от натуги, пыхтит и сжимает кулаки. Дёр-

гает тугой узел галстука в сторону, жадно хватая кислород.

Да, за ужином мне хана...

— Задержать! Схватить! — Отец взвизгивает, словно тревожная сирена, и на моём пути будто из-под земли вырастают добры молодцы. Папочкина частная охрана.

Все равны, как на подбор.

Они широко расставляют руки и ноги, блокируя мне путь к отступлению, но я тоже не пальцем деланная — меняю траекторию движения, срезая угол через расставленные в ряд пустующие стулья. И пока папины дуболомы соображают с натяжкой, что делать дальше, я успеваю прошмыгнуть мимо них прямо к аллее, ведущей к выходу из парка.

В этот раз батюшка не поскупился, арендовал целый парк. Цветочные поляны украсил цветами, деревьям велел расти ещё гуще и красивее, а тем из них, что не пожелали выполнять царский наказ, дизайнеры добавили объёма искусственной зеленью.

Даже лебеди, и те, кажется, покачиваются на волнах пруда строго в такт музыке, боясь того, что иначе снесут голову с плеч.

Хм, интересно, у лебедей вообще есть плечи?

— Алиса, чёрт тебя дери! — Догоняет голос отца, когда я оказываюсь на финишной прямой. Парковка уже виднеется за поворотом, а значит вот она, свобода!

Сво-бо-да!

— Ты всё равно не сможешь бегать вечно! Ты выйдешь

замуж, Алиса! Слышишь меня?!

Как же тебя не слышать? Всё тридесятое царство содрогается от твоих воплей!

Автомобиль отца призывно сверкает наполированными до блеска чёрными боками, и я запрыгиваю на заднее сидение, поспешно втягивая в салон длинный шлейф платья.

— Макс, гони! Гони! — Хлопаю по плечу водителя.

Он не задаёт вопросов — молча заводит машину, и мы с протяжным визгом шин срываемся с места как раз в тот момент, когда отцовская дружина добегают до парковки.

За грудиной щекотно и тепло. И несмотря на то, что позже мне устроят выволочку, сейчас я счастлива!

Я обязательно выйду замуж. Но только за того мужчину, которого выберу сама.

Папа мои планы на будущее не разделяет. Он искренне считает, что женщина — обуза и обезьяна с гранатой без чеки. Ей нельзя позволять управлять собственной жизнью, ведь она наверняка наделает глупостей и вляпается в неприятности.

К тому же, зачем так бездарно распоряжаться своей судьбой и выходить замуж по любви, когда можно выгодно вложиться в брак со старикашкой, что занял у Бога три понедельника, зато поможет укрепить семейный бизнес и расширить влияние?

Скатываюсь по сидению вниз. Истерически хохочу от адреналина, разливающегося по венам вместе с кровью.

— Видел бы ты лицо папочки! — Прикрываю глаза, рисуя перед собой идущую красными пятнами физиономию.

Макс, молодой и обычно общительный, сегодня молчалив и напряжён.

— Ладно уж, не осуждай меня. Ты прекрасно знаешь, что я не со зла. Просто не хочу играть по его правилам.

— Угу, — буркает угрюмо.

— У него какая-то навязчивая идея породнить меня со стариком. Но если ему так этого хочется, то почему бы ему самому не напялить на себя белое платье и не выйти замуж? Я ведь права?

— Мхм.

— Я живой человек, а не марионетка, правильно?

— Ага.

— Максим Игоревич, вы удивительно немногословны сегодня. Что-то случилось?

Подтягиваюсь на сидении, выпрямляя спину. Пытаюсь заглянуть в зеркало, чтобы поймать взгляд водителя и тут же напрягаюсь, потому что это совершенно точно не Максим!

Плечи мужчины гораздо шире. Белая рубашка натянута на крепких мышцах так, что кажется, вот-вот разойдётся по швам. Ладони, что сжимают руль, крупные и широкие. Кожа загорелая, почти бронзовая, а волосы коротко сбриты под «ёжик». Фактурная челюсть покрыта густой щетиной.

Он похож на огромного медведя.

И только теперь до меня доходит...

— Прошу прощения, я, кажется, не в ту машину прыгнула.

— В ту.

Осматриваюсь.

Рабочий планшет отца в дверце, его таблетница с лекарствами, пухлый кожаный дипломат.

Да, в ту... Тогда...

— А, поняла, у Макса что-то случилось, и вы его подменяете?

Тишина.

А я вытягиваюсь по струнке, потому что какие-то нездоровые вибрации разливаются по салону. Двери блокируются с глухим щелчком.

— Думаю, дальше я как-нибудь сама...

Тишина.

— Вы слышите? Спасибо, конечно, что вызвались меня спасти, но мы уже можем остановиться. Вот прямо здесь, — натянуто улыбаясь, тычу пальцем в сторону заправки.

Но её мы стремительно пролетаем. А я сглатываю вязкую слюну, когда мужчина за рулём чуть оборачивается в мою сторону.

— «Вот прямо здесь» мы не остановимся, принцесска. Увы. И благодарности свои оставь при себе, потому что я не спасаю. Я тебя похищаю.

Глава 2

Алиса.

Плотные постройки остаются позади, город редет.

Похититель не идёт на контакт, игнорируя все мои попытки завязать разговор, поэтому я решаю не тратить свободное время зря и просто думаю.

Я ведь хотела избежать свадьбы с навязанным папочкой женихом? Хотела. Не настолько радикальным способом, разумеется. Я рассчитывала, что расстроенной церемонии будет достаточно для того, чтобы довести родителя до белого каления.

Но то, что происходит сейчас — это высший пилотаж!

И почему я сама не додумалась инсценировать собственное похищение?

Отчего-то страха нет. Нет ни тянущего под ложечкой беспокойства, ни даже дежурного волнения.

На душе тишь и благодать, когда я смотрю на высоченные сосны и мелькающие в густых кронах солнечные лучи.

Мы уезжаем всё дальше от города.

Всё дальше от отца и его навязчивой идеи продать меня подороже, подложить под какого-нибудь разжиревшего, обрюзгшего, лысеющего партнёра по бизнесу.

Наверное, я не нервничаю потому, что знаю — эта история закончится хорошо. Время от времени богатых наслед-

ников похищают. Богатые родственники богатых наследников отваливают кучу денег. Силовые структуры, поставленные на уши богатыми родственниками богатых наследников, ловят нарушителей порядка и возвращают деньги обратно в царскую казну.

Это лишь вопрос времени. А времени у меня предостаточно.

— Куда мы едем? — Ловлю взгляд своего похитителя в зеркале заднего вида.

— В Диснейленд.

— Ясно. Это тайна, покрытая мраком. Отвезёшь меня в одинокий домик в глухом лесу? Как оригинально. И что, даже глаза мне не завяжешь?

— Зачем?

— Как же? Я ведь могу запомнить дорогу и воспользоваться этим, когда сбегу.

Медведь молчит. А в зеркале отражается его самодовольная ухмылка, означающая лишь то, что варианта с моим побегом он даже не рассматривает — настолько уверен в своих навыках этот головорез.

— Собираешься спрятать меня, а потом потребовать у отца выкуп?

Снова молчит.

— Если так, то не мелочись. Царь-батюшка заплатит любые деньги, чтобы вернуть ценный актив в семью. Но тут важно выдержать драму, нарастить катарсис, понимаешь?

Знаешь, что такое катарсис? Я могу разжевать. Ну, чтобы было понятно человеку твоего уровня развития.

Он красноречиво прокашливается в кулак, явно намекая, что запас его терпения на исходе. Но меня хлебом не корми — дай прощупать чужие границы и испытать их на прочность.

Слабоумие и отвага!

Да и чего бояться? Вряд ли он меня грохнет, ведь тогда точно денег ему не видать.

— Тупица, ты хоть знаешь, что эта машина отслеживается?

— Ты можешь заткнуться хотя бы на минуту? — Зло рычит Медведь и, судя по всему, сильнее вдавливая ногу в педаль газа, потому что автомобиль дёргается вперёд.

— Я просто пытаюсь сгладить напряжённую атмосферу. Ты такой мрачный, что мне слегка не по себе. Что с тобой? Это твоё первое похищение, да? — С удовольствием отмечаю, как на скулах собеседника выступают желваки. — Оно заметно. Ничего, первый раз всегда больно. Зато потом как войдёшь во вкус и тебя за уши не оттянешь.

Улетаю вперёд, врезаясь в спинку водительского сидения, когда машина резко сворачивает к обочине и тормозит.

— Полегче! У тебя права-то хоть есть? Если нет, я могу прыгнуть за руль. Скажи только, куда ехать.

Тихо выцезивая нецензурные слова через сжатые зубы, медведь выходит из авто. Сначала хлопает водительская

дверь, а потом резким рывком открывается моя.

Яростно сверкающий глазами похититель тянет ко мне свои лапищи.

— Видит Бог, я этого не хотел, — крепко сжимает моё предплечье, разворачивая к себе спиной, и достаёт что-то из кармана джинс.

— Ой, а вот Бога ты вспомнил зря. Ты в курсе, что он подобных поступков не одобряет? Когда я училась в Англии, у нас была такая дисциплина, как...

Не успеваю закончить мысль — мой рот закрывает плотная ткань, лишая возможности говорить. Туго перевязав кляп на затылке, медведь связывает и мои руки за спиной, а затем довольно усмехается.

— Ну-ка, скажи что-нибудь?

Мычу, припоминая все известные мне проклятия.

Нет, ну это уже ни в какие ворота!

Одно дело женщину похитить, и совсем другое — лишить её возможности разговаривать! Да что он о себе возомнил?

Он снова возвращается за руль. Растекается по сидению, блаженно вздыхает и включает магнитолау.

Обиженно отворачиваюсь к окну и всё же запоминаю номер шоссе, по которому мы едем. Но уже меньше, чем через час, мы сворачиваем в лес и медленно катим по ухабам и кочкам.

Минут через тридцать такой езды я готова откинуть тапочки — мутит и качает.

Поэтому неожиданная остановка кажется чем-то вроде акта милосердия, и я готова благодарить за неё своего похитителя.

— Выходи, — он грубо вытаскивает меня из машины и подталкивает в спину.

Возмущённо мычу, спотыкаясь и путаясь в собственном платье.

Вокруг непроглядный лес и совершенно никакого уединённого домика.

Неужели мы приехали?

Может, я просчиталась, и Медведь всё же собирается меня убить?

От одной лишь мысли об этом к горлу подкатывает ком тошноты, но я пытаюсь продышать эмоции, глубоко втягивая носом прогретый, густо пахнущий хвоей и смолой воздух.

— Сюда, — Медведь, подцепив меня под локоть, тянет за собой по тропинке, виляющей между кустарников и деревьев.

Мы выходим к небольшой поляне, на которой стоит другой автомобиль, затянутый защитным брезентом.

Мой похититель откидывает брезент, галантно распахивает передо мной дверцу пассажирского сиденья и угрожающе улыбается.

— Прошу, принцесска.

Не двигаюсь, опасливо поглядывая внутрь салона.

— Ну! — Теряя терпение, запихивает меня внутрь.

Ох, если бы не завязанный рот, я бы столько приятностей тебе наговорила сейчас!

Медведь садится за руль. Ещё какое-то время мы едем через лес, прежде чем вернуться на асфальтированную дорогу.

Уверена, номера на авто перебиты и явно не принадлежат этому человеку. А значит шансы, что уже к утру я буду слушать папочкины нотации, стремятся к нулю.

Начинаю отрубаться на короткие мгновения. А когда небо окрашивается чернилами ночи с яркими кляксами мерцающих звёзд, меня выключает окончательно.

— Эй, принцесска! Приехали. Раздупляйся.

Резко распахиваю глаза от тычка в плечо. Часы на приборной панели показывают четыре утра.

— Выходи.

На ватных ногах выбираюсь из машины и замираю, глядя на раскинувшееся передо мной озеро. Огромное. Тихое. Его гладь неподвижна, отполирована до зеркального блеска. Над водой тонкой дымкой стелется туман, а на противоположном берегу темнеет хвойный лес.

Воздух прохладный, прозрачный и звенящий.

На востоке медленно разгорается рассвет. Небо окрашивается в нежно-персиковый, розовый и золотистый, а верхушки сосен первыми ловят солнечный свет. На ветках лениво переговариваются птицы.

Дом стоит почти у самой воды. Большой, сложенный из тёмного дерева и камня, с панорамными окнами во всю сте-

ну и широкой террасой, уходящей к длинному деревянному пирсу.

Красиво.

Настолько красиво, что на мгновение я забываю о собственном похищении.

— Не залипай, принцесска, это тебе не экскурсия, — Медведь бесцеремонно толкает меня между лопаток. — Ну, добро пожаловать домой!

Глава 3

Алиса.

— Как тебе место? — Медведь взмахивает рукой в сторону домика. — Живописно, правда? Тихо, спокойно. Или ты так не думаешь? Неужели тебе нечего сказать? А-а, точно, ты ведь не можешь говорить, как я мог забыть? — С явной издёвкой в голосе.

Угрожающе прищуриваюсь.

— Ладно, я ведь не тиран какой, — дёргает меня к себе, стягивает кляп и развязывает руки.

Жадно хватаю воздух ртом. Вдавливаюсь пальцами в челюстные суставы, разминая затёкшую нижнюю часть лица.

— Гад, я этого так не оставлю!

— Конечно. Заболтаешь меня до смерти?

— Заболтаю!

— Будешь вякать — намордник вернётся на место, уяснила?

Проходит мимо меня. Достает из кармана ключи, отпирает дверь и даже не оборачивается, чтобы проверить, не сбежала ли я.

Наверное, рассчитывает на моё благоразумие, ведь бежать отсюда без карты и компаса — настоящее самоубийство.

Он ещё не в курсе, что с благоразумием я не в ладах.

Но сейчас явно не самый подходящий момент для побега,

поэтому я послушно шлёпаю за своим похитителем в дом. Оглядываюсь.

Нет, это совершенно не похоже на логово бандита.

Никаких мрачных стен, сырости и разбросанных консервных банок, источающих зловонный аромат. Толстые брёвна, тёплый медовый оттенок дерева, высокие потолки с открытыми балками. Под ногами широкие доски, отполированные до гладкости, а огромные окна почти стирают границу между комнатой и соснами за стеклом.

Всё вокруг спокойное. Натуральный камень, лён, шерсть, плетёные корзины, массивная мебель без вычурности.

Если бы меня привезли сюда без кляпа во рту, я бы решила, что попала в модный загородный эко-отель, где за тридцать тысяч в сутки тебе обещают обретение внутренней гармонии и полный дзен.

— Комната раз, комната два, комната три, — указывает пальцем Медведь. — Ванная здесь одна. Кухня вон там.

Прохожу напрямик на просторную кухню, совмещённую с гостиной.

Светлое дерево, каменная столешница, массивный остров посередине, открытые полки с простой керамической посудой.

— Готовить, надеюсь, умеешь?

— Было бы из чего, — хлопаю дверцей пустого холодильника.

— Будет.

Медведь по-солдатски разворачивается на пятках, выходит из дома. Наблюдаю в окно кухни за тем, как он вынимает бесчисленное количество пакетов из багажника авто.

Явно подготовился.

Держать меня собирается здесь не день и не два, судя по запасу еды.

Оглядываю двор и окрестности, что видно из окна.

Двор не укреплен, даже забора нет. Этот дом не нуждается в дополнительной охране, видимо потому, что стоит в самой глухомани. Не знаю, бывают ли здесь люди. Хоть какие-нибудь мимокрокодилы?

Вокруг лес. Сосны-великаны. И ни единой живой души.

Пока медведь таскает пакеты от машины и обратно, прохожусь по другим комнатам.

Вид из одной особенно завораживает — длинная пристань и озеро. Лодочка, покачиваясь, бьется о деревянные брусья, обмотанные толстым канатом.

Я на лодке никогда не плавала. На яхте — да, под парусом ходила часто. На серфе стояла. На сапе. Воды, в общем, не боюсь. Но вёсел в руках не держала и не уверена, что смогу далеко уплыть.

Однако как средство к спасению эту лодочку отметить не стоит. Возможно, именно она поможет мне выбраться отсюда.

— Что там увидала? — Голос Медведя звучит так близко, что я подпрыгиваю от испуга.

Он невероятно тихо двигается для мужчины с такой комплекцией.

— Да я просто... Никуда. Любуюсь, в общем.

— Мм, — резко дёргает невесомый тюль в сторону, смотрит вместе со мной. — Ясно.

— Что тебе ясно?

Вместо ответа он награждает меня тяжёлым суровым взглядом.

— Здесь жди, — выходит.

А я почему-то действительно жду.

И медленно обтекаю от глубокого разочарования, когда внушительная фигура Медведя выруливает из-за угла дома, стремительно пролетает по пирсу и нависает над лодочкой. Его рука лезет за пояс, извлекает какой-то предмет, поблескивающий металлом в свете рассветного солнца.

Зажмуриваюсь от череды грохочущих выстрелов.

— Сволочь... — шиплю, сжав пальцы в кулаки.

Медведь же, довольный собой, топает обратно.

Моя спасательная шлюпка терпит крушение, медленно, но верно погружаясь под воду.

Лечу из комнаты навстречу своему похитителю.

— Зачем ты это сделал?! — Налетаю на него, как только он заходит в дом.

— Сделал что?

— Зачем расстрелял лодку?!

— А тебе до неё какое дело? — Вздёргивает бровь и де-

лает широкий шаг в мою сторону. Указательный палец втыкается в грудину. — Заруби на своём курносом носу, принцесска: ты отсюда никуда не уйдешь, не убежишь и даже не уползешь. Ни по воздуху, ни по воде, ни по суше. Уяснила?

— Да пошёл ты! — Хлёстким ударом отмечаю от себя мужскую ладонь. — Ещё раз хоть пальцем меня тронешь, и я...

— И что ты сделаешь? Споёшь песенку, созовёшь лесную братву, и бурундуки с птичками закидают меня орехами?

Зло сжимаю челюсти.

А действительно, что я сделаю?

У него вон какие ручища. И пистолет, да. Нельзя игнорировать столь внушительный артефакт влияния, как заряженная, боеспособная пушка.

Но я всё же пытаюсь придать себе уверенности. Блефую, вздёргивая повыше подбородок, и разгневанно сверкая на Медведя глазами.

Не знаю, может быть, это действительно работает, а может видок у меня сейчас настолько дикий, но Медведь отступает на шаг.

— Так, принцесска, сбавим градус напряжения, — ведёт ладонью по ёжику волос. — Хочешь ты того, или нет, но ты сейчас здесь. И нам придётся как-то уживаться целую неделю. Давай постараемся не прикончить друг друга, идёт?

— Неделю? — Цепляюсь за те крохи информации, что мне дали. — Почему неделю? Что будет дальше?

— Сюрприз. Надеюсь, ты любишь сюрпризы, — разворачивается и выходит, бросая на ходу: — Можешь занять любую комнату. Одежда в сумке. Завтрак на тебе.

Глава 4

Алиса.

Абсолютно каждого можно разговорить. Главное — правильно подобрать ключ к человеку.

Кому-то достаточно улыбнуться, кому-то польстить. С кем-то важно помолчать или вовремя раскрыть руки для объятий.

Я пока не решила, какой ключ подходит к Медведю. Вполне возможно, разводной, да по темечку...

В одном я уверена наверняка — сидеть в доме посреди леса и ничего не знать о собственном похищении меня категорически не устраивает. И я обязана вытянуть из этого угрюмого мужлана хоть что-то, что поможет мне прояснить ситуацию.

С Медведем лучше не ссориться, лишние нервы ни к чему.

Не в таком уж ужасном положении я оказалась, верно?

Дом хорош, холодильник полон еды, птички поют, солнышко светит. Да и папочка с очередным женихом далеко-далеко.

Можно считать, что я в санатории. Восстанавливаю здоровье кукушечки.

Уже скоро царь-батюшка отвалит за меня мешок золотых монет, и я снова вернусь в свою красивую клетку. А пока...

Пока я буду наслаждаться.

Готовлю незамысловатый завтрак — омлет с пряностями, бутерброды, кофе.

Красиво сервирую стол. Выбираю одинаковые блюда для подачи, до блеска натираю приборы вафельным полотенцем, под тарелки подкладываю тканевые салфетки. Привычный и хорошо знакомый ритуал помогает привести в порядок мысли.

Медведь появляется, когда я разливаю кофе по чашкам. Он угрюмо зыркает на меня из-под тёмных бровей, молча забирает свою тарелку и разворачивается к выходу.

— Стоять! — Преграждаю дорогу, широко расставив ноги и раскинув руки. — Есть за столом!

— С чего?

— С того! Правила хорошего тона! Тебя мама разве не учила?

Ноздри его хищно вздрагивают, а на дне чёрных зрачков плещется едва сдерживаемое раздражение.

— Брысь, принцесска.

— За стол, — стою на своём. — Сложно тебе компанию составить? Ты женщину похитил? Вот и неси ответственность теперь.

Судя по задумчивому выражению лица, в черепной коробке Медведя происходит мыслительный процесс. Я знать не знаю, насколько это редкое явление, поэтому стараюсь не мешать и даже не дышу, чтобы ненароком не спугнуть его

попытку думать.

— Ладно, — кивает. Возвращает тарелку на стол и садится. — Но если ты начнёшь донимать меня идиотскими вопросами, я уйду. Я привык есть в тишине.

Тоже присаживаюсь за стол. Пока я вооружаюсь приборами и расстилаю на коленях салфетку, Медведь успевает заглотить половину омлета. Почти не жуёт.

— Вкусно?

— Сойдёт.

Хам. Мог бы и признаться, что готовлю я восхитительно.

— Ну, а что ты скажешь, если мы познакомимся чуть ближе?

Молчит.

— Например, я скажу тебе своё имя.

— Я знаю твоё имя.

— Тогда твоё?

— Своё я тоже знаю.

Растерянно моргаю. Я совершенно не понимаю, он правда тупица, или настолько тонкий тролль?

— Мне ведь нужно как-то к тебе обращаться. Как тебя называть?

— Как хочешь.

— Уверен, что давать мне такой карт-бланш — это хорошая идея? Я ведь очень изобретательна...

— Слушай, мне плевать, как ты будешь меня называть. У меня есть лишь одно желание — пережить эту неделю с

тобой под одной крышей и забыть о твоём существовании. Ясно?

Недовольно поджимаю губы.

— Ясно.

Морда кирпичом. Взгляд пробирает до мурашек. Совершенно отталкивающий тип, однако сложно отрицать, что энергетика у него мощная. Мужская, подавляющая сила.

Мышцы бугрятся под тканью простой чёрной футболки. По предплечьям разбегается сеть выраженных вен. Шея как у быка, мне двумя ладонями не обхватить.

А лицо симпатичное, просто мрачное очень. На нём словно какой-то тяжёлый отпечаток лежит. Именно этот отпечаток превращает его из потенциально привлекательного мужчины в опасного зверя. В медведя.

Шутки с ним плохи, это факт. Он меня пальцем раздавит, как жука, если захочет.

Но мне, как ни крути, контакт с ним налаживать придётся...

— А... это твой дом?

— Нет.

— А чей?

— Не мой.

— Ладно... Ты женат?

Молчит. Сосредоточенно жуёт.

— Девушка есть?

— Нет.

— Парень?

Он вскидывает на меня свирепый взгляд.

Невинно улыбаюсь.

— Что? Стандартный вопрос в прогрессивном обществе.

— Я консерватор.

— Ты варвар, раз уж на то пошло. Ладно, опустим знакомство и перейдём к вопросам насущным, — доверительно двигаюсь вместе со своим стулом к Медведю поближе. — Как надолго мы здесь застряли? Когда ты собираешься потребовать за меня выкуп у отца?

Медведь перестаёт жевать. Медленно откладывает в сторону вилку, отпивает кофе и откидывается на спинку стула. Его поза выглядит расслабленной, но от тьмы, расстилающейся в его глазах, по спине пробегает неприятный холодок.

— А кто сказал, что мне нужны деньги твоего отца?

Я тоже откладываю свои приборы. Выпрямляюсь, всеми силами стараясь не выдавать ужаса, что ледяной волной захлестывает тело.

Ведь в моей голове всё давно было сложено в стройную картину. Я не переживала, потому что была уверена — отец заплатит, а меня вернут домой.

Но если Медведю нужны не деньги, тогда что?

Варианты, которые ещё минуту назад казались очевидными, рассыпаются один за другим.

— Я не понимаю...

— И не должна. Через неделю ты сама всё узнаешь.

В голове вспыхивают кадры из криминальной хроники. Истории похищенных девушек, проданных в рабство. И меня мелко потряхивает, поэтому я прячу руки под стол.

— Что я тебе сделала? Я когда-то обидела тебя? Я никому не причиняла вреда, по крайней мере намеренно, поэтому если вдруг я...

— Ты мне ничего не сделала. Я лишь исполнитель.

— То есть заказчик кто-то другой?

Медведь хватается за бутерброды. Ему этот разговор, судя по всему, никакого морального дискомфорта не доставляет. А вот мне приносит массу неприятных ощущений.

— Так ты получается что-то вроде солдата, да?

— Мхм, — нехотя мычит Медведь.

— Тогда отпусти меня.

— С чего бы?

— Но ведь солдат ребёнка не обидит.

— Из тебя так себе ребёнок.

— А из тебя так себе солдат, — обиженно скрещиваю руки на груди.

Ну всё, все свои средства я исчерпала. Раз уж и к совести воззвать не вышло, то мне уже ничего не поможет.

Хотя какая там совесть?

Уверена, этому бугаю голова нужна только для того, чтобы еду в неё складывать, а о инструментах более тонкой настройки, типа совести, чести и благородства, он разве что в книжках читал.

Нет, читал тоже вряд ли...

О, Господи, помоги!

— Если вопросов больше нет, я на боковую, — встаёт из-за стола. Убирает за собой грязную посуду, чем, откровенно говоря, немало меня удивляет. — Двери заперты. Окна бронированные. Попробуешь свалить — найду и верну. Не ломай хрупкий мир, который между нами установился, принцесска. Я очень быстро выхожу из себя.

Покидает кухню.

Глава 5

Алиса.

Медведь выданное мной прозвище оправдывает — дрыхнет без задних лап целый день, вечер, половину ночи...

Слоняюсь по дому без дела. Раскладываю в шкаф вещи, кем-то купленные специально для меня.

Надо же, всё идеально подходит по размеру. И даже стиль мой.

Я не знаю, кто и что задумал, но истязать и пытаться меня здесь явно не собираются. И этот факт определённо успокаивает.

Принимаю горячий душ, чтобы расслабить тело. Переодеваюсь в шёлковую ночную сорочку — довольно откровенную, с кружевом по краю подола и глубокому декольте.

Ложусь в кровать, пытаюсь уснуть, но сна нет. Не получается даже глаза закрыть — они тут же распахиваются, и я с тревогой вглядываюсь в тёмный густой лес за окном.

Плюнув на это гиблое дело, накидываю на плечи халат и ухожу на кухню. С чашкой горячего травяного чая забираюсь в глубокое кресло.

Обняв колени и уложив на них подбородок, смотрю в окно. Звёзды отражаются в идеальной глади озера, словно в зеркале.

Их тысячи. Миллионы. Миллиарды.

Но все до единой выглядят одинокими.

Прямо как мы, люди. Мы сделали целью своей жизни поиск пары. Возвели в абсолют желание отыскать среди семи миллиардов одного единственного человека, с которым провели бы остаток дней.

Зачем?

Вопрос риторический...

Отец, например, с самого моего рождения знал, что единственной возможностью поиметь с меня выгоду станет удачный брак. Поэтому не скупился ни на частные школы, ни на учёбу за границей, ни на секции и кружки. Знал, что чем качественней огранка, тем больше спрос на товар. Тем выше цена.

Я — актив.

А правильное управление активом способнократно преумножить капитал.

У меня же свои взгляды на то, как должна сложиться моя дальнейшая жизнь. Я обязательно встречу мужчину, которого полюблю. Дождусь того самого принца, которого так бесстыдно разрекламировали детские сказки.

Пусть он будет на белом коне, велосипеде или пешком и босой. Пусть нищий, без гроша за душой, но главное, чтобы эта самая душа у него была. Чтобы он видел во мне человека, а не средство к достижению цели.

Над озером пролетает какая-то птица. Она опускается совсем близко к воде и захватывает в лапы какую-то рыбку.

Тут же уносится в небо, оставляя на поверхности озера рябь.

Я бы тоже хотела иметь крылья, чтобы вот так просто улететь.

Но отсюда мне никуда не деться. Я даже пытаться не буду, по крайней мере сегодня.

Обычно жертвы похищений предпринимают попытку побега в первую же ночь. И зачастую это оказывается фатальной ошибкой.

Я же намерена убедить Медведя в том, что готова покорно подчиниться его воле. Благо, царь-батюшка сделал всё, чтобы я освоила эту роль безупречно.

Я стану самой примерной пленницей за всю историю человечества. А потом, когда мой похититель расслабится, улизну.

— Доброе утро, — раздаётся за спиной хриплый голос Медведя.

Оборачиваюсь.

Заспанный, с чётким отпечатком подушки на щеке, в мягкой футболке, он выглядит совершенно не опасно сейчас, а даже... мило? Такой плюшевый медвежонок, только с пушкой в кармане.

— Ещё ночь.

— Когда встал — тогда и утро.

— Железобетонная логика.

— Кофе сделаешь?

— С чего бы мне варить тебе кофе? Ты со мной разгова-

ривать не желаешь, моего общества избегаешь, на вопросы отвечаешь неохотно... — загибаю пальцы. — Что же там ещё было? А, ты меня похитил, чуть не забыла.

— У меня от твоей болтовни башка раскалывается.

— Это, конечно, серьёзное неудобство. Прости, что ты меня похитил.

— Так кофе не будет?

Сжалившись над бедным несчастным похитителем, вы-ползаю из глубокого кресла.

Взгляд его тут же прикипает к моим ногам и бёдрам. Поднимается выше, оглаживая через шёлковую ткань сорочки очертания талии и округлость груди.

Поспешно запахиваю халат.

Только сейчас, в это самое мгновение осознаю, что я в доме один на один с этим человеком. И он не просто похититель. Он мужчина. Огромный, сильный мужчина, которому мне просто нечего противопоставить.

— Я... Я не собираюсь... — Он растеряннo чешет бровь и отводит взгляд, словно прочитал мои мысли. — Не собираюсь тебя трогать.

— Ладно...

— Мне это не интересно, ясно? Хоть голой ходи.

— Сомнительно, но окей.

Увеличиваю между нами дистанцию, сбегая к кухонному гарнитуру. Засыпаю в кофеварку свежую порцию молотых кофейных зёрен.

Пальцы подрагивают.

Сердце бойко долбится о рёбра.

И несмотря на то, что Медведь только что заявил о полном отсутствии интереса к моей персоне, я чувствую между лопаток его тяжёлый, давящий взгляд.

— Ой, — отпрыгиваю в сторону, когда из-за кофеварки выползает паучок. — Мамочки!

— Что там у тебя?

— Паучище! Я их боюсь!

Медведь качает головой, в три широких шага пересекает кухню. Заносит над столешницей ладонь, но вместо того, чтобы прихлопнуть, накрывает несчастное членистоногое словно куполом. Осторожно сгребает в кулак.

Свободной рукой из кармана джинс достаёт ручку, вставляет в оконную раму и проворачивает, открывая окно.

— Живи, — выставляет паука из дома.

Но думаю я теперь вовсе не о источнике своей фобии, а о оконной ручке, что как раз в этот момент снова переключивается в карман Медведя.

Вот бы мне её раздобыть...

— Даже не думай, — ловит он мой полный надежды взгляд. — Или хотя бы думай потише. Жду свой кофе.

Выходит.

Подхожу к окну, дёргаю запертую раму на всякий случай, но она, естественно, остаётся безучастной к моим попыткам её открыть. Провожу пальцем по квадратному пазу для руч-

ки.

Значит, открыть его всё-таки можно...

Возвращаюсь к кофеварке, нажимаю кнопку запуска. Она мерно шипит и тарахтит, а я смотрю в дверной проём, за которым исчез Медведь. Потом перевожу взгляд туда, где минуту назад сидел паук.

Странный человек. Девушку похитил, а паука пожалел. Какой-то неправильный варвар мне достался.

Кто же ты такой, Медведь? И какие мотивы тобой движут?

Глава 6

Алиса.

Остаток ночи мне всё же удалось присвоить целиком себе. То ли свежий воздух так подействовал, то ли я просто вымотана и организм взял своё, но я сладко проспала и проснулась лишь когда солнце стояло уже высоко в небе, что очень на меня не похоже.

Я жаворонок.

Утро — моё время суток. То самое время, когда энергия во мне кипит, силы на максимуме, мозги работают, а тело просит движения. Поэтому обычно моё утро начинается с йоги, пробежки или пилатеса в фитнес-клубе, что находится буквально в соседнем доме.

Но сейчас, увы, возможности такой у меня нет...

Быть может поэтому первым делом я решаю заняться преобразованием пространства вокруг себя.

— Медведь? — С опаской выглядываю в коридор.

Тихо.

— Ау-у-у! Медведь!

Не отвечает.

И я, осмелев, решаю выбраться из комнаты, прихватив с собой одежду.

Принимаю душ, привожу себя в порядок. Чтобы промыть и прочесать волосы, залитые лаком для свадебной причёски,

приходится потратить кучу времени и сил. Наконец, покидаю ванную.

Медведя всё ещё не видно, а дверь в его комнату заперта. Наверное, дрыхнет.

Точно медведь...

— Так, — встаю посреди гостиной, задумчиво постукиваю пальцами по подбородку.

Честно признаться, меня немного смущает расстановка мебели в этой части дома. Не совсем эргономично и совсем не эстетично. Вот если бы этот большой диван передвинуть к той стене...

Налегаю всем весом, упираюсь руками в диван, но он оказывается не только большим, но и чертовски тяжёлым, потому что от моих усилий не сдвигается ни на сантиметр!

Упираюсь плечом, пыхчу, краснею, потею и ругаюсь в диванную подушку, но упрямая мебель игнорирует меня.

Без сил скатываюсь на корточки, утыкаюсь в диван лбом.
— Давай же, грёбанный кусок поролона!

Именно в такой позе, с откляченной кверху задницей, меня и застаёт Медведь.

— Ты что это делаешь? — Он удивлённо вскидывает брови и вынимает из уха беспроводной наушник.

Футболка на нём мокрая насквозь, по шее к ключицам скатываются блестящие на солнце бисеринки пота, и я заворожённо слежу за тем, как они ускользают в ворота футболок.

— А я... да вот, мебель двигаю... — сажусь на пол, меняя позу на более пристойную. — Хочу, чтобы этот диван стоял у той стены.

— Зачем?

— Фэншуй.

— Чо?

— Не «чо», а древнее китайское искусство организации пространства.

— Диван решила украсть?

— Передвинуть. Пе-ре-дви-нуть! Понимаешь?

Брови его снова ползут вверх, а сам он прислоняется спиной к дверному откосу. Скрещивает ноги, привлекая к ним внимание.

А ноги... мамочки!

Сейчас, когда он в коротких спортивных шортах, я могу впервые рассмотреть их.

Литые мышцы бёдер, крепкие икры, выраженный рельеф. Квадрицепс так проработан занятиями с весом, что даже сечётся по волокнам.

Я такое только у бодибилдеров в спортзале видела, да и то не у всех.

А парень-то явно качалочку не пропускает.

— Понимаешь, этот диван стоит неправильно, — зачем-то берусь объяснять.

— Относительно чего?

— Сторон света. Он перекрывает потоки энергии.

Морщится.

— Какой ещё энергии?

— Ци.

— Ты на меня не цыцкай.

— Ооо... — закатываю глаза. — Почему ты такой тупица? Видишь, окна выходят на восток! Солнечный свет входит отсюда, упирается в диван и ломается. А солнцу нужна свобода.

Не знаю, почему, но я очень хочу, чтобы он понял. Поэтому втираю ему какую-то эзотерическую чушь с лицом человека, защищающего кандидатскую диссертацию по энергетике диванов.

— Это просто солнечный свет, принцесска. Он пролетает расстояние в сто пятьдесят миллионов километров. Думаю, этот диван его не остановит.

— Нет, ты не понимаешь!

— Ну куда уж мне, — раздражённо пожимает плечами.

— Хорошо, попробую на пальцах объяснить, — пересаживаюсь на подлокотник. — Дом, как человек. У него есть своя энергия. И если мебель стоит неправильно, энергия начинает застаиваться. Поэтому люди ссорятся.

— Из-за дивана?

Кажется, у меня подёргивается глаз.

Да и Медведь не выглядит оплотом психического равновесия.

— Знаешь, не хочешь в это верить — не верь. Но тогда

не обижайся, когда энергетический денежный фонтан не откроется.

— Ты лучше скажи, что нужно передвинуть, чтобы закрыть твой фонтан болтовни? Я это мигом.

— Тупица.

— Идиотка.

Вот и поговорили...

Рассеянно ковыряю кончиком ногтя маленькую царапинку на пальце.

— Ты меня здесь запер. Я сойду с ума от скуки, — бубню тихо себе под нос и даже не уверена, слышит ли меня Медведь.

Однако он после небольшой заминки всё же шумно выдыхает.

— Ладно, — хмурится, будто собственная идея ему самому не нравится. — Собирайся, пока я хожу в душ.

— Собираться? Куда?

— За ягодой. Малина поспела.

Уходит.

И что значит? Мы в лес пойдём?

— Малина поспела, — передразниваю его, корча морду.
— Как это по-медвежьи.

Уже через пятнадцать минут мы бодро маршируем по тропинке, а я имею возможность понаблюдать Медведя в естественной среде обитания.

Ведь не он показывает мне лес.

Лес показывает мне Медведя.

Он идёт уверенно, не оглядываясь, будто каждая тропинка давно знакома ему. Легко переступает через поваленные стволы, обходит овражки, раздвигает лапы молодых елей так, чтобы они не хлестнули меня по лицу. Подбирает на ходу какую-то длинную толстую палку и зачем-то шурудит ею по высокой траве перед собой.

Всё вокруг дышит жаром. Солнце прогревает сосновые стволы, и воздух густо пахнет смолой, хвоей и нагретой землёй. Где-то стрекочут кузнечики, над полянами лениво гудят шмели, а в высоких кронах перекликаются птицы.

Тянусь к ярким красным ягодам.

— Эти лучше не трогай, — Медведь придерживает меня за локоть. — Волчье лыко. Ядовитые.

— Я бы не стала есть незнакомые ягоды.

— А трогать?

— Какая разница?

— Сок ядовитый. Хочешь ожоги и волдыри?

Торопливо прячу руки за спину.

— Мог бы сразу сказать...

— Я и сказал.

Через несколько шагов он уже сам останавливается возле густых кустов.

— Вот. Это есть можно.

Малина на пышных кустах крупная, тёмно-рубиновая, разогретая солнцем.

Осторожно срываю первую ягодку и кладу в рот. Она буквально тает на языке.

— Вкусная...

— Потому что лесная.

Пока я складываю ягоды в контейнер, Медведь успевает найти землянику, потом чернику, потом показывает какие-то душистые травы, названия которых я забываю раньше, чем он заканчивает предложение.

Очевидно, лес он понимает гораздо лучше людей.

И, кажется, гораздо больше любит.

Может быть, не такой уж он и тупица? Во всяком случае он знает то, чего не знаю я.

Обхожу куст с другой стороны. Я настолько увлечена сбором ягод, что вообще ничего вокруг себя не замечаю.

— Стоять! — Рывкает вдруг Медведь, а я послушно застываю с малиной, не донесённой до рта. — Не двигайся.

Очень... ну просто крайне идиотская просьба! Ни один вменяемый человек после такой просьбы не станет стоять неподвижно.

Ведь теперь я уверена, что в моих волосах сидит огромный ядовитый паук, которого мне непременно нужно стряхнуть.

Пuls подскакивает, отбивает в горле. Перед глазами пелена.

— Давай-ка...

Словно сквозь толщу воды слышу его глухой голос. Чув-

ствую на своей талии крепкие ладони, что подхватывают меня словно пёрышко и переставляют в другое место. На пару коротких мгновений земля подо мной исчезает.

— Паук... — шепчу, зажмурившись, и из последних сил держу себя в руках, чтобы с визгом не броситься из леса.

— Нет на тебе паука. Ты чо такая нервная, а?

Приоткрываю один глаз.

— Нет паука? Зачем тогда...

Медведь молча тычет своей палкой в сторону куста и отодвигает нижнюю ветку в сторону.

— Господи! — Хватаюсь за сердце при виде толстой, блестящей змеи с зигзагообразным рисунком на спине.

Медведь же спокоен, как гранитная скала. Ни единый мускул на непроницаемом лице не дрогнул.

— Гадюка.

— Хамло.

— Змея — гадюка, — давит Медведь усмешку. А я, кажется, впервые вижу, как его губы растягиваются в попытке улыбнуться.

Но этот зачаток эмоции, увы, душат в зародыше.

Медведь поступает со змеей так же, как и с пауком на кухне — отпускает. Оттесняя меня в сторону, закрывая своей спиной, шуршит палкой по листьям, и змея уползает, не желая вступать в схватку с противником,кратно её превышающим.

— Почему ты её не убил? Не могу понять, ты преступник,

или скаут-натуралист?

— Я не убиваю, — оборачивается через плечо, — без причины.

Открываю рот.

Тут же закрываю.

Нет, Алиса, лучше заткнись и уподобься гадюке — отползи от него на безопасное расстояние, а то он ведь мигом причину найдёт.

Интересно, убивал ли он действительно?

Честно говоря, я не могу найти внутри себя ответа на этот вопрос. Почему-то хочется верить, что нет. Что не лежит на нём такой страшный грех, как убийство.

— Всю малину собрала?

— Вроде, — пожимаю плечами, глядя на полный спелой ягоды контейнер в моих руках.

— Тогда домой.

Это, разумеется, не предложение, а приказ. И мы возвращаемся обратно тем же маршрутом, что пришли.

Дома оставляю малину на кухонном столе. Ухожу в душ, чтобы вымыть из волос застрявших мошек и оттереть щиколотки от грязи.

После душа заглядываю в гостиную и не могу сдержать счастливой улыбки.

Диван, который я безуспешно пыталась сдвинуть, стоит у стены.

Глава 7

Алиса.

К вечеру лес за окном начинает меняться.

Сначала куда-то исчезают птицы — их звонкие голоса словно кто-то незаметно выключает один за другим. Потом ветер, весь день лениво шевеливший верхушки сосен, вдруг стихает совсем.

Воздух даже в доме становится тяжёлым, тягучим. Природа набирает полную грудь и задерживает дыхание.

Свинцовые тучи медленно наползают из-за леса, проглатывая розовеющее закатное небо. Первые робкие капли ударяются о деревянные перила террасы и крышу. Но дождь осторожничает не долго — уже через пару минут он обрушивается плотной стеной.

Крупные капли барабанят по крыше, по окнам, по пирсу, по зеркальной глади озера, разбивая её на тысячи дрожащих кругов. Лес за пеленой дождя становится расплывчатым, подёрнутый сизой дымкой.

В приоткрытое на проветривание окно успевает ворваться запах мокрой хвои, холодной воды и свежести, какой никогда не бывает в городе.

Раскат грома прокатывается над озером так низко, что дребезжат стёкла в рамах.

Плотнее кутаюсь в плед и переворачиваю страницу кни-

ги, что я нашла в одной из комнат. С тоской поглядываю на улицу.

Обычно я люблю грозу. В ней можно уютно спрятаться от всего мира, и не нужно искать несуществующую причину для того, чтобы отложить подальше все свои дела.

Но сегодня она очень мне не на руку. Ведь именно сегодня я собиралась дожидаться, пока Медведь уснёт, и свистнуть заветную ручку, открывающую окно в большой мир.

Прорубить себе путь к свободе, спуститься к озеру, а дальше...

Ну, дальше пойдёт импровизация.

Но теперь даже импровизировать бессмысленно. Лес захлабывается дождём. Между соснами мечутся вспышки молний, от грома содрогается дом.

Без карты, фонаря и тёплой одежды это уже не побег, а очень изощрённый способ самоубийства.

Значит, придётся отложить свой план до следующей ночи.

Медведь заглядывает. Молча проходит к кухонному гарнитуру, ставит чайник. Бросает в чашку пакетик и задумчиво пялится в окно.

Интересно, он когда-нибудь начинает говорить первым? Складывается ощущение, что разговоры вообще ему в тягость. Он слишком конкретный, чтобы тратить время на слова. И это минус — чем хуже понимаешь врага, тем меньше шансов победить.

В очередной попытке разболтать своего похитителя от-

крываю рот, но не успеваю произнести ни звука — яркая вспышка ударят рядом с домом, и свет во всех комнатах тут же гаснет. Начинаящий закипать чайник глохнет.

Чёрные тучи настолько плотные, что закрывают даже малейший лучик света. Кажется, что весь мир погрузился во тьму.

Откладываю книгу.

— Чудесно. Мы теперь без света остались?

— Сиди здесь, — басит Медведь. — Схожу посмотрю.

Выходит. А я прячу под плед ступни и заворачиваюсь словно гусеница, не желая выпускать наружу ни капли накопленного тепла.

Уже минут через десять Медведь возвращается. Мокрый до нитки, в липнувшей к коже футболке, он зло выругивается через сжатые зубы.

— Генератор накрылся. В дождь лезть опасно. Чинить буду утром.

— Прекрасная идея, а до утра мы с тобой побродим по дому как два Кентервильских приведения, да?

— Хочешь, чтобы меня убило током?

— Тебе точно нужен ответ на этот вопрос?

— Ты всегда такая язва?

— Только с теми, кто меня похищает, — обворожительно улыбаюсь в темноту.

Медведь грохочет чем-то, пытит. Чиркает зажигалкой, и в камине разгорается слабый огонёк, который стремительно

наращивает силу, жадно облизывая сухую древесину.

— Да будет свет, — объявляет мрачно.

Усаживается рядом со мной на диван, однако тут же отодвигается к самой противоположной его части.

Бойтся меня что ли?

Молчим.

И если для Медведя это агрегатное состояние, то меня почти на части разрывает от необходимости заполнить тишину.

— Ну, и чем займёмся?

— Помолчим.

— Скучно. Можно придумать что-нибудь интересное.

— Например?

— Например, можно сыграть.

— Отлично, играем в молчанку.

— Или... — сажусь поудобней и вытаскиваю руки из своего кокона. — Мы можем сыграть в «Правду или действие». Ты выбираешь что-то одно — выполнить моё задание или ответить на вопрос. Если ты выбираешь действие, но не можешь выполнить задание, то обязан дать честный ответ на мой вопрос. Что скажешь?

— Скажу, что я такой чушью не занимаюсь.

— Ладно, — с напускным равнодушием пожимаю плечами и рассматриваю свой маникюр. — Так я и знала.

— Что ты знала?

— Что ты трусишка. И вся эта твоя тестостероновая мощь — просто показуха. На самом деле под толстой медвежьей

шкуркой прячется трусливая куриная жопка.

— Ты сейчас манипулировать мной пытаешься? — Выразительно прочищает горло. Расправляет внушительные плечи.

— Почему же пытаюсь? Манипулирую изо всех сил. Получается?

Медведь молчит, сжав челюсти. Смотрит куда-то мимо меня, обдумывая решение.

— Ладно, но я начинаю. Правда или действие?

— Действие.

— Сто раз отжаться, — чеканит и с вызовом вздёргивает бровь.

Наверняка уже представляет, как на пятом отжимании я корчусь в предсмертных муках и прошу передать моему отцу, что я его любила. Но разве современную девушку испугать таким испытанием?

Активный образ жизни — наша абсолютная база. Поэтому я бодро отжимаюсь, время от времени поглядывая на медленно выпадающего в осадок Медведя.

— И давно принцесс обязали проходить курсы молодого бойца?

— Я принцесса прогрессивных взглядов, — перевожу дыхание и возвращаюсь на своё место на диван. — Что ж, моя очередь. Правда или действие?

— Действие.

— Ну ещё бы. Ладно... — потираю ладони. — Что же та-

кого придумать...

Подвисяю.

Уверена, даже если я велю ему поднять дом, он напряжётся, но сделает. Нужно что-то такое, с чем он наверняка не справится. И тогда будет обязан отвечать на мои вопросы.

— А Расскажи-ка мне стих!

— Стих?

— Мхм, — ехидно улыбаюсь. — Громко, чётко, с выражением.

Медведь отводит взгляд в сторону. Я готовлюсь праздновать победу, когда он вдруг открывает рот:

— Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

Его голос оказывается неожиданно низким. Густым.

За окнами, вторя ему, перекачивается гром.

— То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

Кажется, даже дождь чуть стихает.

Медведь не читает стихотворение. Он его проживает. Без пафоса и театральщины, он будто рассказывает историю.

Вспышки молний на мгновение выхватывают из полумрака его лицо, жёсткие скулы, спокойный потемневший взгляд.

И всё вокруг вдруг становится очень правильным.

Будто именно этот голос и должен звучать в доме посреди леса, среди дождя, огня в камине и запаха мокрой хвои.

— Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике. Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой перед бурей.

По коже моей табунами носятся мурашки.

Вот ведь... Медведь.

Не человек, а воплощение стихии.

И пока он читает, я забываю, что вообще собиралась его подловить. Забываю про игру, вопросы и даже собственное похищение.

Просто слушаю.

Странно...

Никогда бы не подумала, что несколько строк могут целиком перевернуть моё представление о человеке. Сейчас он не кажется мне варваром или дикарём. У него тоже есть своя история и шрамы на сердце. И что-то страшное случилось в его жизни, раз мы оба оказались здесь, в лесном домике, в самом центре бури.

Возможно, Медведь не всегда был Медведем.

— Довольна? — Он, чуть смущённый моим пристальным вниманием, чешет бровь. В глаза мне не смотрит.

— Я не ожидала... Это твоё любимое стихотворение?

— Моя очередь, — сруливает с темы, закрываясь. — Правда или действие?

— Правда, — провокационно моргаю. — Задавай свой вопрос.

— Зачем ты свадьбы срываешь?

От столь наглого вопроса задыхаюсь.

— Я... Я... Да я... Да что ты вообще знаешь об этом?

— Сейчас вопросы я задаю. А ты отвечаешь. Честно.

— Да будет тебе известно, но в современном цивилизованном обществе женщина сама может решать, за кого ей выходить замуж, и выходить ли вообще. Вот когда я дождусь того самого...

— Ясно, — закидывает руки за голову и расслабленно откидывается на спинку дивана. — Принцесса ждёт принца.

— А даже если и так? Тебе какое дело?

— Да мне по барабану.

— Вот и отлично! — С нервом дёргаю край пледа, который оказался придавлен задницей Медведя. — Я хожу! Правда или...

— Правда! — Рывкает.

Неожиданно настолько, что первые пару секунд я пытаюсь припомнить хотя бы один заготовленный вопрос. Мысли разбегаются.

Впиваюсь давящим взглядом Медведю между бровей.

— Какова истинная цель моего похищения? Зачем я здесь?

За окном гремит гром. Очередной зигзаг молнии на долю секунды окрашивает стены в бледный голубоватый цвет. Огонь трещит в камине, обугливая дрова.

Медведь поднимает на меня серьёзный взгляд.

— Ты выйдешь замуж. За шейха.

Глава 8

Алиса.

— За... замуж? — повторяю немеющими от напряжения губами.

— Замуж.

— За шейха?

— Ты всё слышала.

Тошнота подкатывает к горлу. Сердце испуганной птицей бьётся о костяные прутья грудной клетки и всё никак не может поверить в услышанное.

Пытаюсь логикой победить абсурдность этих слов.

— Невозможно. Неправда. Не может быть. Двадцать первый век. Это незаконно. Это торговля людьми, — сбивчиво тараторю. Голос сипнет, глохнет, растворяется в песне проливного дождя.

— Это факт. И тебе придётся его принять.

— Придётся принять? — Роняю расфокусированный взгляд на собственные дрожащие пальцы. — Кто сказал? Ты?

— Это не имеет значения.

— Это моя жизнь. И всё в ней имеет значение. Почему ты решаешь, какая судьба мне предначертана?

Молчит, глядя мне в глаза.

— Почему? Что я тебе сделала?

— Что ты мне сделала? Ты и тебе подобные всегда думают, что мир вращается вокруг них. Что всё обязано подчиняться их законам. Вы играете людьми словно пешками, но не задумываетесь о том, что однажды придёт время платить по счетам.

В голове звон. Я не понимаю смысла его гневной тирады, однако в одном уверена — он винит меня в чём-то, чего я не совершала.

Это ошибка.

Это определённо огромная ошибка, и если я докажу это Медведю, то он отпустит меня. Ведь так?

— Я не знаю, что ты пытаешься мне инкриминировать, за что желаешь мне зла, но...

— Желаю зла? — Он вдруг резко подаётся вперёд. Упирается ладонью в диван и нависает сверху так, что у меня не остаётся путей отступления. — Да я не желаю тебе зла, я тебя ненавижу. Я тебя презираю. Так сильно презираю, как никого и никогда в этой жизни.

Каждое слово он выцеживает через плотно сжатые зубы. И каждое из этих слов отравленным снарядом прошибает моё тело насквозь.

— Для вас люди всегда были инструментами. Один выгоден. Другой мешает. Этого можно купить. Того сломать. Этим пожертвовать. Какая разница? Главное, чтобы всё работало на вас, да?

Всхлипываю тихо.

И сейчас, глядя в бушующий в тёмных глазах гнев, мне становится действительно страшно.

— Ты ничего обо мне не знаешь...

— Я знаю достаточно! О тебе и твоём отце!

— Решил наказать меня за грехи моего отца? Я была о тебе лучшего мнения.

— Мне с высокой колокольни плевать на тебя и твоё мнение, уяснила?! Ты станешь женой Рашида, хочешь этого или нет!

С громким, болезненным хрустом лопается что-то внутри меня. Последняя ниточка, связывающая меня с адекватностью. Слезы, за которые я себя ненавижу, срываются с ресниц, и остановиться я не могу.

— Ненавижу... Ненавижу тебя, — шепчу, раскачиваясь всем телом от приближающейся истерики.

— Отлично. Так даже проще.

Гром за окном в очередной раз сотрясает дом. И вместе с ним срываюсь я.

— Я тебя ненавижу! — Бросаюсь на Медведя с кулаками.

Толкаю его в грудь. Градом отчаянных, беспорядочных ударов обрушиваюсь на противника.

Он не защищается. Остаётся безучастным, позволяя мне бить себя по рукам и груди, по плечам и лицу. Позволяет мне царапаться и лягаться, выплёскивая скопившуюся внутри ярость.

Луплю вслепую.

Эта ярость застилает глаза. Я ничего не вижу, кроме кружащих передо мной мушек.

Пытаюсь оттолкнуть, расцарапать, сделать хоть что-нибудь, лишь бы перестало болеть. Лишь бы эта чёрная дыра внутри, высасывающая из меня силы, затянулась хоть на сантиметр.

— Чтоб ты сдох! Подонок! Ублюдок! Убийца! — Один из ударов выходит особенно метким. Я попадаю Медведю в губу.

Тонкая красная струйка тут же сбегает по подбородку вниз. Алая дорожка убегает в ворот футболки.

— Ну всё, хватит!

— Тварь! Чудовище! Варвар!

— Перестань! — Теряя терпение, он перехватывает мои руки, блокируя. — Ты больше себе вредишь!

— Пошёл к чёрту, изверг! Ненавижу тебя!

Вырываюсь, пинаюсь и лягаюсь ногами, но он притягивает меня к себе ещё ближе, зажимая руки между нашими телами.

Это не объятие.

Это клетка.

— Отпусти!

— Перестань.

— Ненавижу тебя!

Медведь закрывает глаза, очень медленно выдыхает.

— Я сказал, перестань.

— Пусти! — Срываюсь. Рыдаю.

Мне так больно, Господи...

Сделай что-нибудь с этим. Вырви моё сердце или преврати его в камень, чтобы оно перестало ныть от этого ощущения ненужности.

Я ведь просто хотела, чтобы меня любили.

Хотела встретить мужчину, который полюбил бы меня за то, кто я есть.

Но мужчины, которые меня окружают, приносят лишь боль и используют меня как товар.

Может быть, я не заслужила? Может, меня просто не за что любить? Я не достойна?

— Всё. Всё, принцесска, — Медведь вжимает меня в своё тело. Крепко перехватывает за затылок и укладывает мою голову на свою грудь. Удерживает, заставляя прислушиваться к грохоту его сердца. Покачивается вместе со мной из стороны в сторону. — Не заставляй меня становиться тем, кем я быть не хочу.

Нет сил спорить и возражать. Даже на ногах стоять нет сил, поэтому когда Медведь чуть отступает, я едва не оседаю тряпичной куклой на пол.

— Стоять, — придерживает меня за талию и тут же подхватывает на руки. — Давай-ка отдохнём.

Безвольно болтаюсь на нём.

Мне всё равно, куда он меня несёт. Пусть хоть к краю пропасти, чтобы скинуть вниз.

Мне плевать.

Медведь ногой пинает дверь в мою комнату, распахивая. Укладывает меня в постель, натягивает одеяло до самого подбородка. Задерживается, глядя сверху вниз, словно хочет ещё что-то сказать, но...

Нет.

Уходит. Дверь за ним тихо закрывается, а я лежу неподвижно ровно в той же позе, что он меня уложил. Слепо смотрю в потолок. Слушаю, как дождь молотит по крыше.

Ждать больше нельзя.

Если останусь здесь, меня действительно выдадут замуж. И на этот раз расстроить свадьбу уже не получится.

А значит к чёрту эту грозу. Я должна сбежать сегодня же ночью.

Глава 9

Алиса.

Долго лежу, глаза в потолок.

Слёз больше нет, ведь на них тоже нужен какой-то запас сил, а его уже не осталось. Внутри непривычно пусто. Уже даже не больно. Просто пусто.

Медведь всё ещё не спит — шарахается в темноте, как застрявший в мире людей призрак, не находящий себе места. Его тяжёлые шаги доносятся то из одной части дома, то из другой.

Пару раз он даже приоткрывает дверь моей комнаты, застывает на пороге. В эти моменты я крепко зажмуриваюсь и стараюсь дышать ровно и глубоко, имитируя сон. Но между лопаток шурупом вкручивается чужой взгляд.

Я не знаю, зачем он заходит.

Может, чтобы проверить, не умерла ли я. А может, хочет поговорить.

Как бы там ни было, всякий раз он лишь молча стоит в дверном проёме, а потом тихо удаляется, так и не сказав ни слова.

Пытаюсь вспомнить, кто такой Рашид...

Пару месяцев назад, на одном из званых ужинов, кто-то представлял меня какому-то гостю из Эмиратов. Шейх Рашид аль-Мансури? Аль-Мактум? Нет, честно говоря, даже

полное имя не вспомню. Вроде, он является каким-то дальним родственником правящей семьи, крупным инвестором, владельцем энергетического бизнеса и гордым обладателем целой кучей других бла-бла-бла, которые я пропустила мимо ушей.

Мне не понравился его взгляд — скользкий, хитрый, забирающийся под одежду. Поэтому я, исполнив все необходимые реверансы, сбежала отсюда.

Неужели это он?

Заказал меня, как диковинную зверушку?

Нет, у меня нет вариантов остаться.

Дождь всё так же неустанно барабанит по крыше, да изредка где-то совсем близко ворчит гром.

Нужно дождаться. Совсем немного осталось, ведь Медведь тоже человек, а значит, ему нужно спать.

Потом я встану, украду ручку, выберусь в окно, и всё закончится.

Сама не замечаю, как мысли начинают путаться. Тяжёлый, вязкий сон медленно захватывает меня, затягивая всё глубже, пока реальность окончательно не растворяется.

Просыпаюсь резко, будто кто-то позвал меня по имени. Сажусь на кровати и несколько секунд напряжённо вслушиваюсь в тишину.

Ничего. Дом спит. И даже дождь, кажется, немного успокоился.

Осторожно выбираюсь из-под одеяла и приоткрываю

дверь. Коридор пуст. Лишь редкие вспышки молний на долю секунды окрашивают стены в призрачный голубоватый цвет.

Собирать вещи я пока даже не пытаюсь — если ручки не окажется на месте, или если меня поймают с поличным на месте преступления, никакой побег мне уже не светит.

С колотящимся в горле сердцем, стараясь не издавать ни единого звука, крадусь к комнате Медведя. Иду на самых пальчиках, и только уговариваю себя — не бойся, ты справишься, ты ведь всегда добиваешься своего.

Дверь в комнату Медведя приоткрыта, и я осторожно заглядываю внутрь.

Он спит на спине, занимая своим телом целую двуспальную кровать. Руки широко раскинуты, одеяло скомкано в ногах. Даже во сне он выглядит напряжённым и собранным, готовым к смертоносному прыжку.

Стараясь не смотреть на его лицо, перевожу взгляд на одежду, небрежно перекинутую через спинку стула. Приседаю рядом. Медленно запускаю руку в карман брюк.

Пальцы натыкаются на что-то холодное и металлическое. Есть!

От радости едва не вскрикиваю, но вовремя себя одёргиваю.

Очень глупо, Алиса, попасться в тот момент, когда запах свободы уже стоит в носу.

Осторожно вытаскивать ручку наружу. Она цепляется за ткань, я же тяну сильнее. От напряжения всё моё тело ста-

новится каменным. Кончики пальцев вибрируют и гудят, а скользкий язык страха облизывает меня вдоль позвоночника.

Медведь шевелится во сне, поворачивает голову, хмурится. Глаза остаются закрытыми, но я не понимаю, спит ли он на самом деле.

— Ксюша, это ты? — Спрашивает хрипло и сонно, почти не размыкая губ.

Я не успеваю подумать, ответ вырывается сам собой.

— Я, мой хороший. Спи.

Он едва заметно улыбается, словно услышал то, что хотел услышать. На одно короткое мгновение лицо его становится совсем другим. Исчезает вечная суровость, разглаживается складка между бровей.

— Угу... — перекачивается на другой бок. Грудная клетка медленно двигается, гоняя кислород.

Только теперь я понимаю, что всё это время вообще не дышала.

С заветной ручкой бесшумно выскальзываю из комнаты и лишь тогда позволяю себе сделать глубокий вдох.

Ксюша...

Интересно, кто она такая? Жена? Девушка?

Образ этой Ксюши вспыхивает в голове, но я тут же отметаю в сторону все посторонние и неуместные мысли.

Сейчас есть вещи куда важнее, например, моя свобода.

Быстро надеваю спортивные штаны и тёплый свитер.

Сердце отстукивает в груди ритуальным барабаном, пока я вставляю ручку в оконную раму. Раздаётся щелчок, знаменующий мою первую победу.

Створка легко поддаётся, окно распахивается, а в лицо мне тут же ударяет ледяной влажный ветер с ароматом прелой хвои.

Именно так пахнет моя свобода!

Перебираюсь через подоконник, осторожно прикрываю окно снаружи и, не позволяя себе передумать, бегу.

Дождь встречает меня без всякой жалости.

За несколько секунд волосы прилипают к щекам, а одежда промокает до нитки и становится тяжёлой от воды ещё до того, как я успеваю добежать до кромки леса. Ноги вязнут в размокшей земле, но я продолжаю бежать, стараясь как можно быстрее увеличить расстояние между собой и домом.

Между собой и Медведем.

Лес охотно принимает меня в свои объятия.

Чёрный, мокрый, безмолвный, ещё каких-то несколько часов назад казавшийся мне живым и приветливым. Сейчас же сосны кажутся мне безликими великанами, застывшими в ожидании. Кустарники тянут ко мне свои кривые тонкие ветви. Ветер гудит в вершинах деревьев, раскачивая тяжёлые лапы елей. Где-то совсем рядом протяжно ухает ночная птица, и я невольно ускоряю шаг.

Молния на мгновение разрывает темноту.

Белый свет выхватывает мокрые стволы, спутанные ку-

сты, поваленное дерево впереди.

Потом снова становится темно. Так темно, что собственную вытянутую руку не видно.

Иду почти на ощупь, полагаясь лишь на собственную интуицию и везение.

Иногда бегу. Иногда спотыкаюсь и хватаюсь за ветки, чтобы не упасть лицом в грязь.

Холод пробирается не только под одежду. Он расползается под моей кожей, заставляя сердце биться медленно и с отяжкой, а кровь густеть в венах. Пальцы коченеют. Свитер неприятно липнет к телу, а мокрые волосы тяжёлыми плетями лупят по лицу на каждый шаг.

Я вдруг отчётливо осознаю, что давно не вижу тропинки. Гребу по густой траве, вязну в ней. Приходится прикладывать гораздо больше усилий, чтобы не сбавлять хода, но я абсолютно не понимаю, куда мне идти.

И лес ничуть не помогает.

Ему плевать на мою свободу и мои проблемы.

Останавливаюсь, чтобы привести в норму сбившееся дыхание. С губ моих срывается облачко пара.

Оборачиваюсь. Позади только непроглядная стена дождя, да и впереди тоже.

Никаких ориентиров. Я больше не знаю, где нахожусь.

Делаю несколько шагов в одну сторону, но застываю. Делаю шаг в другую.

Откуда я пришла? Куда двигалась?

Всё одинаковое. Кажется, я просто кружу вокруг деревьев, плутаю в трёх соснах. А тем временем когтистой лапой расцарапывает грудную клетку изнутри паника. Неприятно холодит под рёбрами и заставляет меня хватать воздух часто и быстро, словно выброшенную на берег рыбёшку.

И оглушающей звуковой вспышкой, стучащей в висках, приходит простое осознание того, что я заблудилась.

— Соберись! — Зло шиплю на себя сквозь зубы. — Немедленно соберись! Не в твоих правилах сдаваться!

Преодолеваю страх, двигаюсь вперёд, хотя теперь совершенно не уверена, что это действительно вперёд. Но останавливаться нельзя. Нужно идти хоть куда-нибудь, лишь бы подальше отсюда. Ведь я лучше умру в лесу, чем выйду замуж за мужчину, которого не люблю.

Сил почти не остаётся. Ноги становятся ватными и тяжёлыми, и я с трудом отвоёвываю у разбухшей, склизкой и вязкой земли каждый шаг.

Перед глазами всё чаще вспыхивают белые пятна.

В конце концов замечаю старую сосну с огромными, вылезшими наружу корнями. Добираюсь до неё буквально на волевом усилии, опускаюсь на землю и прижимаюсь спиной к могучему шершавому стволу.

Подтягиваю колени к груди и обнимаю себя руками в попытке хоть немного согреться.

Всё тело крупно колотит от холода.

— Передохну пять минут, и дальше пойду, — внушаю са-

ма себе.

Дождь барабанит по макушке. Волосы сосульками спадают на лицо, а в голове разливается туман, возможность забиться в котором кажется сейчас такой заманчивой.

Я знаю, что нельзя засыпать. Правда знаю. Только вот веки становятся всё тяжелее, а шум дождя постепенно превращается в далёкую, убаюкивающую песню.

Последней мыслью становится совсем не шейх, не отец и даже не свобода.

«Господи, только бы проклятый Медведь нашёл дорогу ко мне...»

А потом темнота наконец забирает меня целиком.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.